

Е. Мурундик. Вся жизнь.

Л. Лисовская. Мой Биробиджан

Опубликованные в газете «Биробиджанер штерн» очерки Елены Мурундик и Лидией Лисовской о первостроителе области Гликенфрейде Израиле Моисеевиче, работавшем в 1930-е годы в селе Валдгейм, учителем в Биробиджанском горно-металлургическом техникуме, директором фельдшерско-акушерской школы в Биробиджане, заведующим отделом Смидовичского райкома партии. В конце 1947 г. незаконно осужден на 10 лет. Реабилитирован.

**Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?!**

Евгений Евтушенко

Мое знакомство с Лилией Израилевной Лисовской началось с телефонного звонка. Договорились о встрече и вот я, сопровождаемая заботливым инструктажем беспокойной хозяйки, на месте. Меня встречает миниатюрная бодрая женщина, сразу же восхитившая своим жизнелюбием и открытостью. Мы словно бы знакомы много лет, и вот рассказ Лилии Израилевны переносит нас из ее небольшой и уютной, полной книг и фотографий квартирki, с чудесным видом на Хайфский залив и Бахайский храм, в давние времена. В 1933 год.

Именно тогда ее родители-молодожены Израиль Гликенфрейд и Софья Фельдштейн переехали из Бердичева в далекий и неведомый Биробиджан строить еврейскую страну и свою совместную жизнь.

Первое место их проживания – Валдгейм, там же в 1934 году родилась их дочь Лиля. На помощь молодым поспешила мать Софьи – Мирьям-Бази Лейбовна Фельдштейн (урожденная Бирман). Вслед за ней постепенно перебрались в Биробиджан младшие сестры Софьи – Шифра и Перл (Полина).

Дружная семья жены стала родной Израилю, прежде лишенному обычных житейских радостей и, несмотря на свою молодость, много повидавшему и пережившему. Родился он в 1907 году, детство прошло на одной из самых бедных улиц Бердичева. Отец его, Моисей, был столяром. Скромного заработка едва хватало, чтобы содержать семью, в которой кроме Израиля было еще трое детей.

Тиф, унесший жизнь Моисея и его дочери, разрушил и без того тонкую грань между бедностью и нищетой. Мать не смогла стать опорой и защитой для сыновей, они были вынуждены покинуть дом и владеть существование в людях. Старшего Давида отдали в ученики кузнецу, среднего – Израиля – бондарю. Но беда не приходит одна, вскоре умерла и мать, дети оказались вовсе беспризорными. Давид кое-как наладил самостоятельную жизнь, младший брат Гриша оказался в детдоме, а Израиль – на улице. Он поселился на чердаке возле табачной фабрики и перебивался тем, что продавал на улице папиросы. «Купите, койфт же, койфт же папиросн!» – в этой песне вся его тогдашняя жизнь и боль, это про него.

Голодного, больного его подобрал учитель труда Макаран и привел сначала в еврейский дом подростков, подобие колонии, где он сам работал, а затем в свою семью, где уже рос сын. И сам Макаран, и его жена Эстер относились к мальчику как к родному и помогли ему найти свое место в жизни. Сначала Израиль поступил на рабфак, совмещая учебу и работу в типографии, затем три года учился в Киеве на факультете идишской литературы и истории, приобрел профессию учителя. Именно эти чудесные годы, проведенные в Киеве в окружении новых друзей, наполненные радостью получения новых знаний, знакомством с доселе неведомой жизнью, аукнутся ему в дальнейшем, косвенно напомнив о себе самым неожиданным и жестоким образом.

А пока жизнь и история молодой семьи и молодой области тесно связаны между собой. Но вот что удивительно: несмотря на то что Израиль Моисеевич вскоре стал довольно заметным человеком в

Биробиджане, мне не удалось отыскать никаких упоминаний о нем, кроме одного – короткого, но красноречивого.

“

**Гликенфрейд
Израиль Моисеевич.
Родился в 1907 г., г. Бердичев;
еврей; директор школы.
Проживал: с. Солтон Солтонского р-на.
Арестован 16 декабря 1947 г.
Приговорен: Алтайским крайсудом
28 февраля 1948 г.,
обв.: по ст. 58-10 ч.1 УК.
Приговор: к 10 годам лишения свободы
с последующим поражением в правах на 5 лет.
ДЕЛО ПРЕКРАЩЕНО Верховным судом РСФСР
ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 16.10.1991**

“

Источник: Книга памяти Алтайского края

На мой взгляд, это совершенно несправедливо – то, что город потерял память о человеке, немало сделавшем для его становления. Попробуем с помощью дочери Израиля Моисеевича восполнить белые пятна в истории.

Итак, Валдгейм 1933 года.

По меркам Биробиджана это колхоз-передовик, основан он был переселенцами в мае 1929 года. В селе около 600 жителей. Кроме развитого сельского хозяйства в нем работают кирпичный завод, швейная мастерская, чулочная артель, а еще построен клуб на 300 мест, ясли-сад, почта, больница, еврейская школа, куда направлен на работу молодой учитель.

Но в Валдгейме семья задержалась ненадолго. В 1934 году Гликенфрейды перебрались в Биробиджан. Израиль Моисеевич сначала работал учителем в школе.

1934 год. Выпускной 7 класса. Школа № 1.

1 января 1935 года в областном центре открылся горно-металлургический техникум, который в 1939-м преобразовали в железнодорожный. Израиль Гликенфрейд был приглашен преподавать в нем.

Железнодорожный техникум Биробиджана.

Лилия Израилевна перебирает фотографии в семейном альбоме: это папа в доме подростков, это с друзьями в институте, это уже в Биробиджане с учениками школы, а вот первые студенты и преподаватели железнодорожного техникума: застывшая история Биробиджана. И таких уникальных фотографий в альбоме много.

Практически одновременно с этим техникумом была открыта фельдшерско-акушерская школа – теперь это медколледж. Его официальный сайт (http://bmkveao.ru/index/istorija_sozdanija/0-8) рассказывает о том, что с целью подготовки медицинских кадров со средним специальным образованием 21 августа 1935 года Президиум облисполкома принял решение № 311 «Об организации медицинского техникума в Биробиджане».

Первые свои шаги новое учебное заведение делало в очень трудных условиях. Небольшой коллектив преподавателей и первый набор из 48 учащихся начали занятия в малоприспособленном помещении, деля его с педтехникумом. Не было своего здания, не было общежития, очень мало учебных пособий и книг, но у всех была огромная жажда знаний. Сохранились личные дела учащихся первого выпуска, состоявшегося в 1939 году, и имена их наставников: **Донда Раиса Дмитриевна, Глузский, Орлов, Судак, Шапиро, Гринберг, Капелиович, Кугель, Запрудная, Лившиц**. Первым директором, при котором строилось новое специальное помещение и общежитие, был **Асмоловский**.

Следующий директор – **Ева Давыдовна Шварцман**, ставшая руководителем, другом, матерью учащимся, приехавшим из разных концов страны. Упоминается на сайте требовательная и мудрая **Анна Яковлевна Зелькинд**, работавшая директором училища с 1943-го по 1947 год. А вот об **Израиле Моисеевиче Гликенфрейде**, который в предвоенные и первые военные годы был директором фельдшерско-акушерской школы, сведений нет. Между тем в семейном альбоме Лилии Израилевны есть бесценная фотография с дарственной надписью. *«Директору фельдшерско-акушерской школы г. Биробиджана тов. Гликенфрейду И. М. от студентов 3-го курса группы «А». Фото сделано 2 марта 1941 года. Фамилии преподавателей: Кривоносов Н. С., Донда Р. Д., Гликенфрейд И. М., Васильев Н. М.*

А в памяти Лилии Израилевны это время связано с умопомрачительным запахом хлеба. Рядом с техникумом был хлебозавод. Хлеба на столе было немного, но его аромат, самый чудесный на свете, витал в воздухе постоянно. Даже сейчас запах свежесыпеченного хлеба мгновенно возвращает ее в те времена – голодные и трудные, но благодатные уже лишь потому, что папа был рядом с ними. А таких дней им судьбой было отмерено не так уж много.

Вскоре коммуниста Гликенфрейда перевели на работу в Смидовичский райком партии на должность заведующего отделом агитации и пропаганды. Так вся семья, в которой было уже двое детей (брат Лили, Марик, родился в 1939-м), оказалась в Смидовиче (станция Ин).

Софья Львовна, имеющая хорошее образование, никогда не испытывала проблем с работой, в Биробиджане она была старшим бухгалтером в областном статистическом управлении, на новом месте стала заведующей карточным бюро (в стране была введена карточная система). Там, в Смидовиче, семья испытала огромную радость Победы, здесь же встретила с бедой, изменившей и разрушившей всю жизнь.

В том же победном 1945 году Израиль Моисеевича исключили из партии по доносу его знакомого, проживавшего в Бердичеве. Его обвинили в том, что, вступая в ряды ВКП(б), он якобы скрыл свое членство в партии Троцкого. Никаких его доводов слушать не хотели, все уже было решено: «При такой феноменальной памяти и вы не помните о своей принадлежности к троцкизму?».

Все подробности тех дней мы узнаем из воспоминаний его дочери Лили, наполненных эмоциями и болью ребенка, оставшегося без любимого папочки, и чувств взрослой женщины, не простившей виновников утраты, испытавшей на себе трудную судьбу дочери врага народа. Именно тогда прошла граница между беззаботным детством, наполненным гордостью за свою страну, самую справедливую в мире, и реальной жизнью, со множеством сомнений и вопросов.

– Я помню папу разным, – рассказывает Лилия Израилевна. – Вот он сидит на диване с книгой в руках. Какие красивые крупные руки у него. Вот он работает до глубокой ночи за большим письменным столом, где всегда царит идеальный порядок. Я помню, как папа пилил и колол дрова и складывал их потом «красиво и ровненько», а вот он ремонтирует старую щетку, умело меняя ворс.

Мне все нравилось в нем: как он готовил щепки, накладывал сухие дрова и растапливал огонь в печи. А как красиво папа управлялся с лошадьми. А вот бабушка кроит ночные сорочки, а папа садится за швейную машинку и умело строчит. Мы никогда не жили в большом достатке. Однако бабушка и папа очистили от камней участок у дома, отец вскопал землю и сделал грядки. У нас был красивый огород, где хозяйкой была бабушка, очень любившая землю...

Самым страшным днем для Лилии стал день, когда Израиль Моисеевич уехал в Биробиджан на бюро обкома партии.

– Взрослые ничего доброго уже не ждали, но я-то надеялась, – вспоминает она. – Зима, сильные морозы. Открывается дверь, входит мой папа в запотевших очках, с поднятым воротником. Бросаюсь к нему, но он отстраняет меня рукой. Я вижу его глаза, страшные, неживые глаза.

Дети, не до конца понимая, что же случилось, только интуитивно чувствовали приближение беды. Взрослые же хорошо понимали, к чему это исключение из партии и отстранение от работы может привести. В 1937 году был арестован и осужден на 10 лет по 58-й статье муж Полины (Перл), журналист и пропагандист Биробиджанского райкома ВКП(б), переселенец из Польши, Исаак Левин.

Исаак Левин

Сама Полина умерла от менингита, а следом за ней ушла и их новорожденная дочь. В 1946 году дело Левина прекратили за отсутствием состава преступления, Исаак Абрамович вернулся домой безнадежно больным (у него была чахотка), ничего не зная о смерти жены и дочери. Через неделю после возвращения он умер. Вот все, что осталось от этого человека, да еще фотография в семейном альбоме Гликенфрейдов...

ЛЕВИН

Исаак Абрамович.

**Родился в 1908 г., Польша; еврей;
пропагандист Биробид. райкома ВКП(б).**

Проживал: ЕАО., г. Биробиджан.

ОУ НКВД по ЕАО 30 ноября 1937 г.

ПРИГОВОРЕН: ОСО при НКВД СССР

30 декабря 1937 г., обв.:

по ст.ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР.

ПРИГОВОР: 10 лет к. л.

Постановлением ОС при НКВД СССР от 19.01.1946 г.

ДЕЛО ПРЕКРАЩЕНО

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

“

Источник: Книга памяти Хабаровского края.

Мужа младшей сестры Шифры Василия Беленникова в 1937-м расстреляли. Шифра тогда работала в детском доме Валдгейма, а Василий инженером-строителем в Хабаровске.

“

БЕЛЕННИКОВ

Василий Михайлович.

Родился в 1898 г. на ст. Абдулино

Самарской ж.д., русский; техник-строитель

в строительной конторе УНКВД

по Дальневосточному краю.

Проживал: ЕАО, с. Валдгейм.

Арестован 8 декабря 1937 г.

Включен в «сталинский список»

от 3 февраля 1938 г.

(Дальневосточный край, бывшие сотрудники НКВД)

по 1-й категории.

ПРИГОВОРЕН в особом порядке решением

Наркома ВД, Прокурора СССР и Председателя ВКВС

4 февраля 1938 г.

РАССТРЕЛЯН в тот же день в г. Хабаровске.

Место захоронения –

Хабаровское городское кладбище.

РЕАБИЛИТИРОВАН определением ВКВС

от 14 ноября 1957 г. СССР

за отсутствием состава преступления.

Архивное дело П-83010

“

Источник: Москва, расстрельные списки – Коммунарка

Данные о нем внесены также в Книгу памяти Хабаровского края и ЕАО.

– Не помню, как мы собирались, покидая нашу квартиру, как уезжали, возвращаясь в Биробиджан, – продолжает Лилия Израилевна. – Квартиры у нас не было, поэтому почти всю мебель, даже шкаф, оставили на Ине.

В Биробиджане сняли комнату у Хаима Исааковича Гринберга и его жены Хаи Абрамовны. Это были люди столь порядочные, что приняли семью как родную, хотя, конечно, они не могли не понимать, что рискуют навлечь на себя беду. С их помощью жизнь начала налаживаться. Софья Львовна была принята на работу бухгалтером кирпичного завода. Хуже было то, что изгоем оказался Израиль Моисеевич, ему не было возврата в школу, не приняли даже в типографию, куда он пытался устроиться, имея юношеский опыт работы. В отчаянии он написал письмо секретарю обкома Бахмутскому: «Если нет работы, возможен ли отъезд?». В ответ: «Поезжайте куда хотите».

Здесь Израиль Моисеевич, свято верящий в свою невиновность, совершает роковую ошибку. Ему бы затеряться в глуши, возможно, это дало бы шанс и о нем забыли, но он решил ехать в Москву, в ЦК ВКП(б), искать справедливость, еще не понимая, что вся ложь и лицемерие идут оттуда.

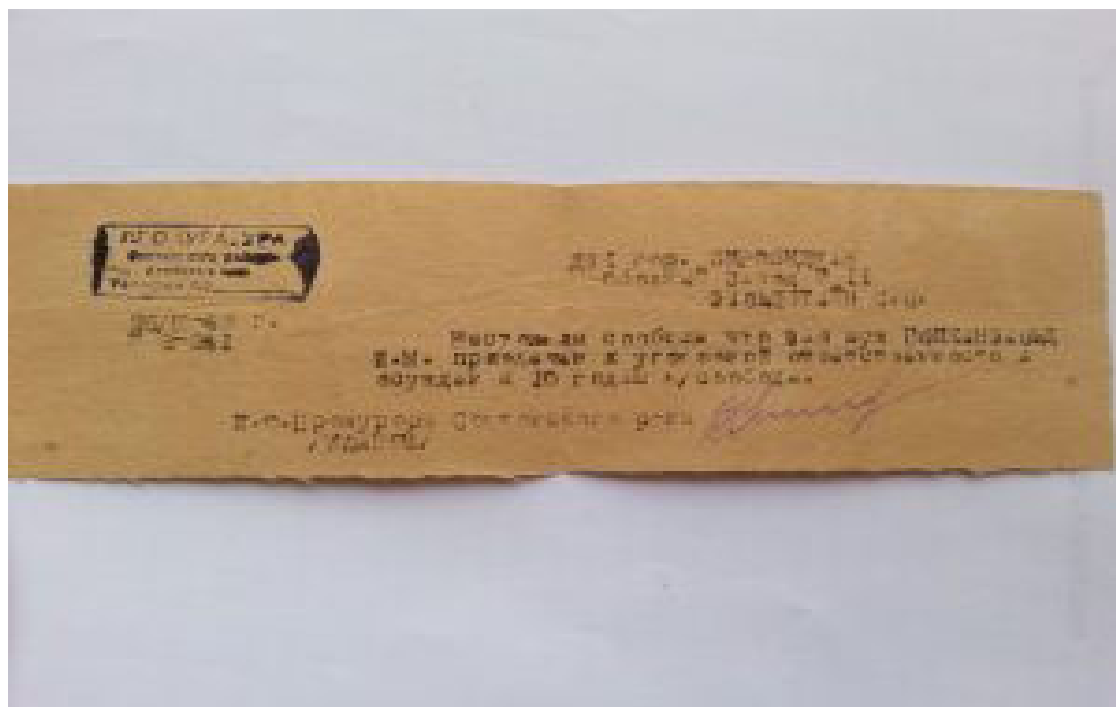
И вот 3 августа 1946 года: он в вагоне поезда, жена и дети на перроне. Объятия, поцелуи, взмах руки – разве могли они тогда знать, что все это в последний раз, что никогда больше они не увидятся.

Позже, уже в лагере, Израиль напишет:

«Невольно вспоминаю день моего отъезда из Биробиджана, день нашего расставания. Посадка в вагон, широко открытые глаза Лилии и живые, спрашивающие глазенки Марика. Глаза Лилии в то утро, это глаза недорезанного теленка: «Что вы со мной делаете? Зачем это?»».

Ну а пока Москва решает, что же делать с опальным партийным работником. Похоже, нет веских улик для доказательства его вины, и опытного преподавателя отправляют в Алтайский край директором школы. Сначала в село Новчиха, затем в Солтон. Почти все заработанные деньги он отправляет семье в Биробиджан, хотя при прогрессирующем туберкулезе сам нуждается в усиленном питании. А травля продолжается, продолжают поступать анонимки. Не помогает даже защита заведующего районо т. Никишина: «Автор письма пытался дискредитировать т. Гликенфрейда Израиля Моисеевича, который считается одним из лучших директоров и педагогов района».

Его последнее письмо с воли похоже на крик отчаяния и боли. Ответ он получить не успел. Конверт вернулся в Биробиджан с надписью: «Выбыл в КПЗ». А затем долгое молчание и неизвестность. Первая весточка пришла из Барнаула: «Дорогие мои, судьба надолго, на целые десять лет, разделила нас».

16 декабря 1947 года Израиль Моисеевич был арестован, 28 февраля 1948 года выездной сессией краевого суда Алтайского края в Бийске по статье 58-10 приговорен к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет.

«Меня арестовали и отправили во внутреннюю тюрьму краевого МГБ г. Барнаула, где велось следствие. К делу приобщены дела из Бердичева, Биробиджана, показания «свидетелей», что в 1929-м я уехал из Бердичева, чтобы скрыться от наказания за троцкизм, донос одной из слушательниц на лекциях по истории ВКП(б) для учителей, сказавшей мои слова и мысли... Они были заинтересованы меня осудить, и добились этого».

Однако в письме еще сквозит надежда и вера в справедливость, а может, просто этой верой Израиль хотел вселить надежду в семью.

«Больше всего меня мучает несправедливость. Ведь меня осудили как преступника. Но (...) ни во время следствия, ни во время суда, ни после вынесения приговора, ни даже сейчас, уже оплеванный, я не могу иметь злости против Советской власти».

Меньше года потребовалось, чтобы убить в нем эту веру и надежду. Письмо от 25 января 1949 года – это письмо человека, раздавленного обстоятельствами.

«В жизни каждого человека есть такая точка, когда жизнь для него делается мучительной обузой, – до этой точки я дошел, и каждый прожитый день стоит мне такой огромной адской физической боли, не говоря даже о моральных переживаниях, что жизнь кажется настоящей пыткой... У меня нет никакой надежды на справедливый исход моего дела».

Он признается в том, что первая трещина в его вере пролегла после исключения его из партии, но тогда бесконечная любовь к жене и детям, сознание, что он живет и работает для их блага, еще держала его на плаву. Сейчас же жизненные силы оставили его: «Меня лишили возможности трудиться на благо своей семьи и воспитания своих детей. Вся боль моя состоит в том, что я не могу ответить себе на вопрос: «За что? Почему? За что и почему меня сделали заключенным?». Но вот следующее письмо:

«У меня все по-старому. Все дни для меня одинаково безнадежные, и живу я только потому, что не умираю. У меня состояние такое, что жизнь и смерть – одинаково. Я раньше не мог

смотреть на умерших. А теперь... я не только страха не ощущаю, но наоборот, – я им завидую, они уже ничего не ощущают, а мне еще сколько и чего предстоит».

Но это была не последняя беда в жизни семьи. В эту же зиму 18 декабря умерла бабушка. Софья Львовна, оставшись одна после ареста мужа и смерти матери, как могла боролась за жизнь своих детей. О том, чтобы «устроить свою жизнь», как советовал ей муж, не могло быть и речи. Она боялась потерять работу, боялась быть арестованной и осиротить детей, на что шансы у жены врага народа всегда были, но никогда в голову не пришла ей мысль отказаться от мужа. Как-то, купив на почте очередной ящик для посылки, женщина получила предупреждение о том, что если эта посылка будет отправлена, она последует за мужем. А дома, в укромном уголке, вопреки всему, хранились его письма, в том числе полученные минуя цензуру фотографии.

Такая жизнь в конце концов привела к нервному срыву. Спас ее замечательный биробиджанский невропатолог доктор Грехов, сохранивший добрую память о ее муже со времен совместной работы в медтехникуме.

Между тем редкие весточки от Израиля Моисеевича прекратились вообще. Попытки узнать что-либо закончились тем, что приглашена в органы внутренних дел была уже Лиля, учившаяся к тому времени в педучилище. При всей своей тогдашней наивности она смогла понять, что писем от отца больше не будет. К этому времени он был переведен в Минеральный лагерь.

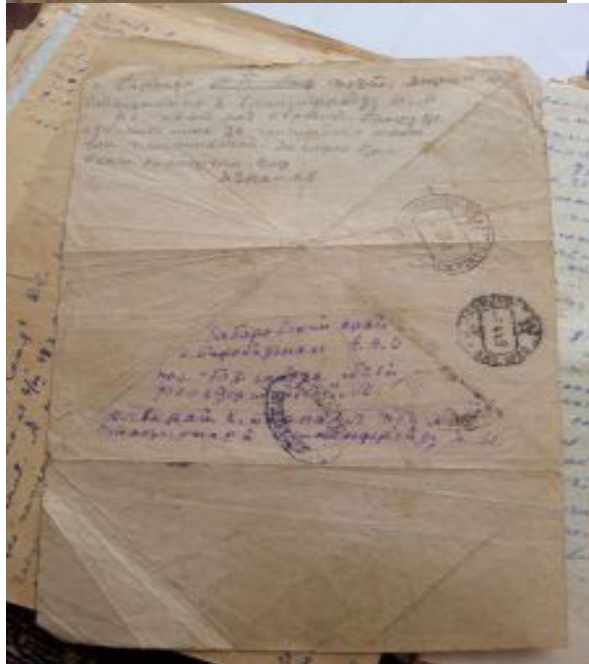
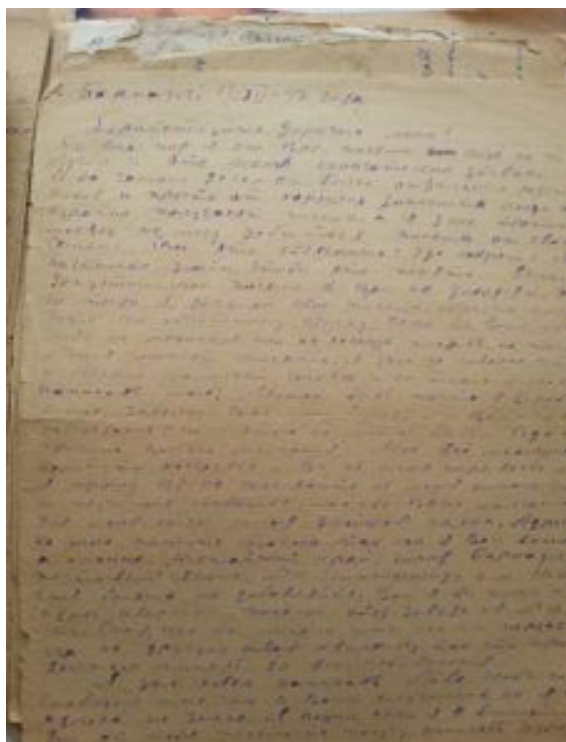
“

Минеральный лагерь (особый лагерь № 1)

в Коми АССР был выделен из Интинского лагеря в феврале 1948 года и просуществовал до марта 1957-го. В его состав входили лагерные отделения №1-5.

Максимальное количество заключенных, занятых угледобычей, строительством шахт, промышленным и гражданским строительством, обслуживанием промышленных предприятий, достигало 34 548 человек (1952 г.)

Первоначально Абезьское лагерное отделение относилось к Северному управлению лагерей железнодорожного строительства ГУЛЖДС. 27 мая 1949 года в связи с передислокацией этого управления и освобождением помещений в поселке Абезь организовано еще одно, шестое лаготделение Минлага для инвалидов и нетрудоспособных политических заключенных на 5000 человек. Их труд использовался на работах по благоустройству лагеря. Судя по всему, именно в нем содержался Гликенфрейд. Охраняли особо опасных преступников регулярные охранные войска госбезопасности, надзиратели с красными погонами были и внутри зоны, они имели свое командование и не подчинялись начальнику лагеря. Заключенным Минлага разрешалось посылать 2 письма в год.

В Еврейской автономной области тем временем не раз сменилось руководство после очередных арестов «космополитов». Председатель исполкома облсовета ЕАО Бенькович, вскоре занявший пост первого секретаря обкома КПСС, пригласил Софью Львовну для беседы по поводу ее кандидатства в члены партии, длившегося долгих 8 лет. Он предложил отказаться от мужа, опубликовав отказ в газете. На что она ответила:

«Если он жив, я не хочу быть причиной его смерти, если умер, то тем более – от мертвых не отрекаются».

Так закончилось ее пребывание в рядах КПСС.

9 апреля 1953 года семья получила извещение о смерти Израиля Моисеевича Гликенфрейда.

Умерших заключенных Минлага №1 хоронили на кладбище Абезьского лагеря. Об условиях жизни и смерти заключенных в этом лагере Лилия Израилевна узнала много позже из статьи доктора Крымского, бывшего заключенного лагеря, опубликованной в журнале «Наука и жизнь» (№3, 1989 год). Ему, врачу, окончившему аспирантуру, пришлось работать в лагерной больнице на 1200 мест терапевтом и патологоанатомом.

Каждый страдал, по крайней мере, туберкулезом и гипертонической болезнью. Туберкулезом от голода, авитаминоза, скученности; гипертонией от стресса, неволи, безысходности, постоянного унижения человеческого достоинства, отсутствия надежды на волю

Л. Крымский рассказывал страшные вещи о расстреле заключенного за попытку поднять с земли брошенный ему с воли кусок хлеба, о том, как покойникам вырывали золотые зубы, пронизывали

штыками животы, чтобы убедиться в том, что под видом умершего кто-либо не пытается совершить побег (будто среди тундры было куда бежать).

Кладбище Абезьского лагеря. Фото из открытых источников.

Бригада могильщиков хоронила их, укладывая ноги к голове в ров, вырытый в тундре. Покойников засасывало. Хоронили без гробов

В завершение статьи доктор медицинских наук Л. Крымский, заслуженный деятель науки РСФСР, признался: «Не думал, что смогу когда-нибудь открыто написать о том, что лежало на душе много лет».

Лилии Израилевне удалось связаться с доктором Крымским, который хорошо помнил заключенного Гликенфрейда, безнадежно больного острой формой туберкулеза, а ее брат даже встретился с ним и узнал некоторые подробности пребывания их отца в лагере.

Воспоминания Крымского продолжает бывший заключенный Даниил Кобзарев (№ Р-636), также работавший в больнице Сангородка – пятого отделения Минлага:

“

В мерзлой земле похоронная бригада яму долбила не более полуметра. После засыпки землей в землю втыкался сосновый колышек с номером, что был на одежде умершего. Колышек вскоре терялся, и могилу найти было невозможно

“

О некоторых деталях жизни «заминированных» заключенных, как называли узников Минерального на лагерном жаргоне, можно узнать из книги «58 1/2: Записки лагерного придурка» Валерия Семеновича Фрида, известного драматурга, киносценариста, члена Союза писателей СССР, а в прошлом «опасного преступника», отбывавшего свой срок в этом лагере. Он вспоминает, что формуляры арестантов были помечены: «О» – опасный, «ОО» – особо опасный. «Прослойка» интеллигенции в Минлаге была толще, чем в других лагерях.

Попадали сюда и ученые мирового класса. На спины заключенным нашивались номера. Появиться без номера было нельзя, наказание – карцер, носить свою вольную одежду тоже запрещалось категорически, за попытки выполнения любых физических упражнений – карцер. При встрече с начальником лагеря предписывалось «не доходя пяти шагов остановиться, снять головной убор и приветствовать словами: «Здравствуйте, гражданин начальник». Лагерный паек был так скуден, что люди, не получавшие посылок с воли, были истощены до предела и нередко теряли рассудок. Эти воспоминания, несомненно, нормальный человек не может читать без содрогания, но, может быть, это и есть ответ тем, кто в последнее время начал активно превозносить Сталина и его эпоху.

Это страшные страницы общей истории. Это ваши родные были теми заключенными или их надзирателями и мучителями. И неизвестно, что хуже. Тем более грань между первыми и вторыми была так тонка...

Елена Марундик, Израиль

Мой Биробиджан

Лилия Гликенфрейд, Хайфа

Мой Биробиджан это два разных города: «до» и «после».

«ДО» – это детство, такое, как у всех детей военного времени. В самом центре города был наш детский сад. В него все приходили пешком, тогда никого не привозили на машинах, да и город наш, зеленый, чистый, словно вымытый, был небольшим. Вот мы в средней группе, это праздник 1 Мая, комната украшена флажками.

Я помню многих. Вот красавица Алла Бродская, а вот наша спортивная легенда Ася Чернис, моя лучшая подруга Лилия Гершгорин. Сейчас все они, как и я, израильтяне.

А вот другое фото. Мы уже постарше и празднуем Новый год. Алла – зайчиха-мама, а мы зайчата. Есть даже волк и медведь...

А потом началась война. Хорошо помню начало войны. В этот день все соседи были дома. Радио – «черное ухо» – работало только у Беровых, все взрослые собрались у них, ожидая сообщения Молотова. Я, вопреки запретам, отправилась следом за ними. Все услышали: война. И все изменилось, жизнь стала иной: тревожной, полной ожиданий худшего и лишений. Опасались нападения со стороны Японии.

В памяти рассказ воспитательницы о Тане-партизанке, так назвала себя Зоя Космодемьянская. Ежедневные горькие сводки об отступлении Красной Армии, мобилизация на фронт, светомаскировка. Папа вернулся из военкомата с отказом-обострение туберкулеза.

Я уже училась в школе, холодной и неприветливой. Потом ее закрыли, и мы перебрались во временные помещения.

Медучилище, куда папу назначили директором, стало военизированным. На фронте гибли люди, но в тылу продолжалась жизнь: взрослые работали, дети учились. В детский дом начали прибывать дети – сироты, те, у кого погибли родители. Мамина сестра Александра (Шифра) Львовна работала в нем воспитателем.

Закончилась первая военная зима, стало тепло, город наш сразу оживился зеленью. Особенно хорош был наш уникальный парк на острове. Вот улица Советская, а там и Бира, наша бурная и холодная река. Деревянный мост, ведущий к парку. Сколько раз я без разрешения сбегала из дома, чтобы уединиться в этой первозданной красоте. Деревья огромные, разнотравье пахучее, а папоротники огромные, такие я больше нигде не встречала. Чудесный мой парк. Здесь и летний кинотеатр, и эстрада, и карусели, и комната смеха, и танцплощадка. Асфальта не было, дорожки посыпаны гравием. Комары в изобилии, но я почему-то их не замечала, а после пробежки босиком домой прибежала с занозами в ногах.

Не только в парке, но и в городе были такие приятные, мои и только мои секретные уголки, где зеленела трава, белели рассыпанные в ней мелкие цветы- кашка, а над ними жужжали осы и пчелы.

Было еще одно замечательное место – наш огород. Мне казались красивыми даже цветы картофеля, но чудеснее всего были огромные, яркие головы подсолнухов.

Жили скудно все. Я рвала лебеду, бабушка срезала ботву моркови, свеклы и варила суп. Когда можно было начинать подкапывать первый мелкий картофель, устраивали настоящее пиршество.

Это было трудное время, но все это было еще «ДО»...

Я подрастала, расширялись границы «моего» Биробиджана. Кроме моста к парку через Биру был еще один мост, но уже для проезда транспорта в другую часть города. А в стороне от него были китайские фанзы, очень привлекавшие меня, но пойти туда я никак не могла решиться.

Тем временем война стала частью нашей жизни. Мы слушали сводки, но утешительного было мало. Родители по вечерам в редкие свободные минуты любили петь «На позицию девушка провожала бойца», а потом наши родные, жившие в поселке за Икурой, проводили на фронт сына, окончившего 10 классов и курс ОСОАВИАХИМА. Очень скоро, в 1942-м, они получили извещение о том, что их сын Леонид Грушко пропал без вести. Так песня стала реальностью.

Мы узнали об уничтожении евреев, и я со страхом сказала бабушке: «Всех евреев убьют». Ее ответ тогда мне показался очень странным: «Всех убить невозможно. Даже если один останется в живых, евреи будут вечно». Родители Лени ждали его возвращения до самой смерти. Только здесь, в Израиле, сделав запрос в «Яд ва-Шем», я узнала, что он погиб под Краснодаром.

Потом мы временно жили на станции Ин, об этом я писать не стану. Вернулись мы в другой город. Все радовались окончанию войны, мы со всеми праздновали Победу, но кто мог разделить с нами нашу беду? Потеряв право на прежнюю жизнь, будучи невинным человеком, папа был совершенно опустошен. Уехал из Биробиджана он еще свободным человеком, но виделись на перроне Биробиджанского вокзала мы в последний раз.

Все, что было далее, это было «ПОСЛЕ».

Жили мы по месту работы мамы в поселке им. Иосифа Бумагина. Это был обычный рабочий поселок, где в каком-то необыкновенном порядке стояли двухэтажные деревянные дома, семилетняя школа № 10, а за поселком – обозный завод, построенный у небольшой сопки. Часть из домов была полусгоревшей, но в уцелевших квартирах продолжали жить люди. Воду мы носили от водокачки, печи топили углем и дровами. Здесь нас подстерегла новая беда. В морозную зиму 1948 года тихо, без стона, бабушка, страдавшая стенокардией, покинула нас. А перед этим, утром она объявила маме: «Дети сегодня в школу не пойдут».

Как страшно тогда по ночам трещали от мороза стекла в окнах...

Но я была ребенком, были в моей жизни и радости. Незабываемы были спектакли еврейского театра с его замечательными актерами. «Восстание в гетто» и «Колдунья» я смотрела на идише. Да, тогда еще в городе был еврейский театр и еврейская школа-десятилетка. Потом все закрыли. Слишком много «буржуазных националистов» и «безродных космополитов» вдруг обнаружилось в Биробиджане.

А детство продолжалось. Мой младший брат ходил с мамой в «красный уголок», где мама вечерами дежурила, и научился играть в шахматы, ставшие его большим увлечением. Я «глотала» книги и

встречалась с подругами, рядом был лес, в котором мы ломали черемуху, ели дикую малину и радовались всему увиденному. Мои подруги так ловко орудовали веслами, что во время разлива реки мы уплывали на Безымянку, в другой поселок. Поля Семилетова и Зоя Тесленко уже не с нами, а Люба Заславская как и прежде живет в Биробиджане. После окончания семилетки я поступила в педучилище, во-первых, потому что всегда мечтала быть учителем, а во-вторых, потому что маме было очень тяжело и морально, и материально, и физически. Став студенткой, я начала получать стипендию, с нее же платила за свое обучение.

К тому времени мама сменила работу, и мы переселились в другой район города, где в доме финской застройки у нас была крохотная квартирка, состоящая из одной комнаты и малюсенькой кухни. Тесно, конечно, зато возле дома был огород, очень выручавший нас. Под окнами я сажала любимую нами настурцию и высокую мальву. Сейчас настурцией я люблюсь в Хайфе. А тогда мы с мамой любили сидеть вдвоем на крылечке, предварительно набросав на него свежей травы. Но это летом, а зимой кругом снег и только сухие стебли мальвы высятся над сугробами. Вдруг чудо! На этих ветках сидят красавцы с красным оперением. Снегири?! У меня под окнами настоящие живые снегири? Я никогда прежде не видела их в Биробиджане. Восторг! Эти сказочные птицы у меня под окном склевывали семена на моих мальвах. Было грустно и радостно когда они улетели неведомо куда.

После окончания училища я поступила в Хабаровский пединститут и с тех пор в Биробиджане проводила только каникулярное время.

Больше я никогда не жила в родном городе. Работала в Биракане, в поселке им. Полины Осипенко, в Узбекистане. Только через 19 лет я приехала в Биробиджан, уже с мужем и сыном. Из этой поездки я вынесла грустное чувство – и город не тот, и я не та, да и воспоминания вернули мне чувство горькой утраты.

От Биробиджана на память мне осталась песня, автора которой не знаю, но я так любила, когда ее пели мои родители:

*Биробиджан, ди луднс фармахт,
Эс рэгент, а рээн ба тог ун ба нахт...
Я попробовала сделать вольный перевод:
Биробиджан, не сплю по ночам,
К любимой спешу и по лужам иду.
Все ставни закрыты, повсюду темно,
Ну где же, ну где же родное окно?
Дождь сыплет и льется и ночью и днем,
Не спи, дорогая, побудем вдвоем.*

Время, когда я слышала голоса моих родителей вместе, это еще было «ДО».

Все, что было после войны, было «ПОСЛЕ». И Биробиджан для меня стал другим: в нем не было моего папы, а мы стали семьей «врага народа». И не мы одни. Об этом не говорили, не поверяли друг другу того, о чем болела душа, все молча несли свою беду.

Вот и все. Прощай мой и уже не мой Биробиджан. Родной город, в который уже не стремлюсь. Переболело.